

DOI: 10.31857/S0130386424040151

© 2024 г. А.А. САГОМОНЯН

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ НОВИКОВ (1826–1903) – ДИПЛОМАТ «ГОРЧАКОВСКОЙ ШКОЛЫ»

Сагомонян Александр Артурович – доктор исторических наук, профессор кафедры глобалистики факультета глобальных процессов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: scobochka@mail.ru

Scopus Author ID: 57220933771; ORCID: 0000-0001-9346-5402

Аннотация. Статья посвящена деятельности Евгения Петровича Новикова (1826–1903) – видного отечественного дипломата, сыгравшего заметную роль в период Восточного кризиса 1876–1878 гг. и пользовавшегося особым доверием канцлера А.М. Горчакова. Е.П. Новиков был послом в Османской империи, Греции, Австро-Венгрии в те годы, когда отношения с этими странами были чрезвычайно важны для российской внешней политики. Его биография до сих пор не написана, хотя имя Новикова упоминается во многих монографиях и статьях, посвященных дипломатическим отношениям Российской империи со странами Европы в 1860–1870-х годах. Этим обусловлена новизна и актуальность настоящей работы, которая базируется на широком круге источников – архивных материалах, опубликованных документах, мемуарах коллег Е.П. Новикова и т.д. В ходе исследования были систематизированы многочисленные фрагментарные сведения о его деятельности, имеющиеся в научной литературе. Получивший прекрасное образование в стенах Московского университета, Е.П. Новиков отличался добросовестностью, проницательностью, высокой ответственностью в отстаивании национальных интересов своего отечества. Такие профессионалы высокого класса составляли элиту дипломатического корпуса Российской империи XIX столетия.

Ключевые слова: дипломаты, Россия, Восточный вопрос, Османская империя, Австро-Венгрия, Е.П. Новиков, биографии.

A.A. Sagomonyan

Evgeny Petrovich Novikov (1826–1903) – Diplomat of the Gorchakov School

Alexander Sagomonyan, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: scobochka@mail.ru

Scopus Author ID: 57220933771; ORCID: 0000-0001-9346-5402

Abstract. In the article the author analyses the career of Evgeny Petrovich Novikov (1826–1903), a prominent Russian diplomat who played a significant role during the Great Eastern Crisis of 1876–1878 and enjoyed considerable confidence of Chancellor Alexander Gorchakov. He was ambassador to the Ottoman Empire, Greece, and Austria-Hungary during the years when relations with these countries were extremely important for Russian foreign policy. His biography has not yet been written, although Novikov's name is mentioned in many a monograph and article on important topics of the Russian Empire's foreign policy in the 1860s–1870s. The study draws on archival materials, published papers, and memoirs of Evgeny Novikov's colleagues. Numerous fragmentary pieces of information about him available in the academic literature have been systematised. Having received an excellent education at Moscow University, Evgeny Novikov

distinguished himself by his conscientiousness, shrewdness, and strong sense of responsibility in defence of Russia's national interests. High-class professionals of this kind made up the diplomatic elite of the Russian Empire in the 19th century.

Keywords: diplomats, Russia, Eastern Question, Ottoman Empire, Austria-Hungary, Evgeny Novikov, biographies.

За долгие годы службы Евгений Петрович Новиков возглавлял посольские миссии Российской империи в Афинах, Вене, Стамбуле. А на переднем крае отечественной дипломатии он оказался в период Восточного кризиса 1876–1878 гг. Судьба Новикова сложилась так, что первое свое серьезное назначение в 1856 г. он получил, когда главой Министерства иностранных дел стал выдающийся государственный деятель Александр Михайлович Горчаков (1798–1883), а оставил дипломатическое поприще, когда последний канцлер Российской империи отошел от дел и завершал свой жизненный путь.

В современной историографии фактически отсутствуют исследования, посвященные биографии Е.П. Новикова. Фрагментарные сведения о его дипломатической деятельности содержатся в опубликованных источниках, а также в статьях и монографиях, в которых рассматриваются различные аспекты отечественной внешней политики в 1860–1870-е годы. Исключительно интересные факты и характеристики, касающиеся не только службы Евгения Петровича, но и его личных качеств, содержатся в воспоминаниях его коллег. Остается лишь сожалеть, что сам он не оставил мемуаров. Очевидно, что без анализа его деятельности в статусе посла Российской империи невозможно составить объективное представление об этом периоде отношений России с Османской империей и европейскими странами. Решению данной задачи и посвящена настоящая статья.

Дипломатическая карьера Новикова началась в 1850 г. и продолжалась до 1882 г. Следует отметить, что Евгений Петрович пользовался особым доверием министра иностранных дел, канцлера Российской империи А.М. Горчакова, и со временем это доверие становилось все более глубоким. «Безукоризненно, абсолютно честный, он всегда шел прямыми путями к намеченной цели, и вилять и приспособливаться было не в его привычках... Высоко и с достоинством держал он знамя России, и честь родины всегда была для него выше личных интересов», – так писал о Новикове сослуживец¹.

Евгений Петрович принадлежал к старинному дворянскому роду (из которого, в частности, происходил известный просветитель XVIII в. Николай Иванович Новиков). Он родился в селе Непецино Коломенского уезда Московской губернии, которым его предки владели с начала XVIII столетия. Несколько поколений Новиковых с любовью обустроили имение – с годами там появились величественный парк, липовые аллеи, каскадные пруды. В 1806 г. в селе был заложен каменный храм в честь иконы Знамения Божией Матери, который сохранился до наших дней.

Отец будущего дипломата, Петр Александрович Новиков (1797–1876), был состоятельным помещиком, писал стихи и одновременно успешно продвигался по служебной лестнице. Обучаясь на нравственно-политическом отделении Московского университета, он вступил в Общество любителей российской словесности. В 22 года П.А. Новиков начал службу в Московском архиве иностранных дел, но уже вскоре перешел в канцелярию при московском генерал-губернаторе князе Д.В. Голицине. В последующие годы П.А. Новиков занимал различные должности в учреждениях Московского учебного округа, был попечителем Преображенской больницы, почетным опекуном при Московском воспитательном доме. В 1854 г. получил чин тайного советника.

Мать Е.П. Новикова – Антонина Ивановна Долгорукая, представительница знаменитого княжеского рода. П.А. Новиков женился на ней в 1820 г. Будущих супругов объединяли литературные интересы. Считается, что Антонина Ивановна перевела с немецкого роман

¹ Арбузов Н.К. Из воспоминаний о Царьграде. Евгений Петрович Новиков – наш посол в Константинополе // Исторический вестник. 1914. Т. 138. № 12. С. 802.

популярного в те годы драматурга Августа фон Коцебу. Издан он, правда, был за подписью ее отца, князя И.М. Долгорукова². Один за другим у супругов родились шестеро детей, но четверо умерли в младенчестве. Возможно, из-за тяжелых утрат характер Антонины Ивановны стал портиться, что с годами обернулось, по образному выражению одного из современников, настоящим «барским самодурством»³.

Евгений Петрович Новиков, младший из двух братьев, как и его отец, стал студентом историко-филологического факультета Московского университета, который и окончил в 1846 г. 1840-е годы по праву считаются золотой порой в истории университета, прежде всего, как вспоминал однокашник будущего дипломата, благодаря «той оживленной научной деятельности, той разумной трудовой жизни, которая, бесспорно, преобладала тогда» в его стенах. Студенты 1840-х годов «выносили из Московского университета теплое чувство к своей alma mater, всегда с искренней благодарностью и восторгом вспоминали о годах студенчества как о счастливейшем времени своей жизни»⁴.

Именно в это время в университете появилась плеяда блестящих молодых профессор-гуманитариев с широким научным и социальным кругозором, которые подняли на новый уровень университетскую науку и педагогику. Это Т.Н. Грановский, П.Г. Редкин, Д.Л. Крюков и др. Непременным условием получения профессорского звания становится стажировка кандидатов в лучших европейских университетах.

Е.П. Новиков обучался на основанной в 1835 г. кафедре славистики (истории и литературы славянских наречий). В 1842 г. ее возглавил Осип Максимович Бодянский (1808–1877), в будущем известный историк и филолог, а в то время – молодой ученый, недавно вернувшийся из заграничной научной командировки⁵. Пять лет путешествовал он по восточным землям Пруссии и Австрийской империи, изучил несколько славянских языков, сблизился со многими польскими, чешскими и словацкими деятелями науки и культуры. Особенно теплые отношения сложились у него с чешскими славистами, находившимися тогда в авангарде национального движения. И не случайно его подопечный, Евгений Новиков, выбрал темой своей научной работы гуситское движение XV в., политическая и религиозная деятельность которого считалась важным этапом в истории чешского народа. В своем студенческом сочинении под названием «Православие у чехов», удостоенном золотой медали, он первым в русской историографии обосновал тезис о том, что богословской основой учения Яна Гуса являлось именно православие.

По окончании университета Новиков продолжал разрабатывать эту тему, подготовив обстоятельный труд «Гус и Лютер», который должен был стать его магистерской диссертацией. Однако в 1848 г. Европу охватила волна революций, в Австрийской империи началось Венгерское восстание, в чешских и других славянских землях также происходили волнения. В такой ситуации публикация работы Новикова и ее защита были запрещены Министерством народного просвещения⁶. Молодому слависту пришлось срочно менять тему исследования. В 1849 г. он защитил магистерскую диссертацию «О важнейших особенностях лужицких наречий», которая стала первой российской научной работой, посвященной серболужицкому языку. Даже через сто с лишним лет специалисты рассматривали ее как ценный вклад в славянское языкознание⁷.

² Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь: в 6 т.-х. Т. 4. М–П. / гл. ред. П.А. Николаев. М., 1999. С. 337.

³ Исторический вестник. 1915. Т. 141. С. 848.

⁴ Шестаков П.Д. Московский университет в 40-х годах // Русская старина. 1887. Т. 55. № 7–9. С. 641, 643.

⁵ Подробнее см.: Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян / отв. ред. Д.А. Марков, В.А. Дьяков. М., 1988. С. 85–88, 93, 112, 123.

⁶ Иванов Ю.Ф. Гуситское движение в русской историографии // Вопросы истории. 1973. № 9. С. 54.

⁷ См.: Бернштейн С.Б. Русское славяноведение о сербо-лужицких языках // Сербо-лужицкий лингвистический сборник / отв. ред. Л.Э. Калынь. М., 1963. С. 11–12; Славяноведение в... С. 263–264.

После европейских событий 1848–1849 гг. в Российской империи начался период, известный как «мрачное семилетие». Историк Сергей Михайлович Соловьев пророчески заметил тогда: «Нам, русским ученым, достанется за эту революцию». Притеснениям подвергались и русские слависты, научная деятельность которых в предшествующие годы поощрялась государством. Так, О.М. Бодянскому было запрещено преподавать в стенах университета в течение года⁸. Все это привело к решительному повороту в судьбе Новикова⁹. Он ставит крест на академической карьере и уезжает в Петербург, чтобы поступить на дипломатическую службу.

Свой двухтомный труд «Гус и Лютер» (с предисловием О.М. Бодянского) Новиков все-таки сумел издать позже, в 1859 г. В этом исследовании он рассматривал Чехию как место столкновения двух «стихий» – западной (романо-германской, латинской) и восточной (греко-славянской), а гуситское движение – как борьбу православия, «исконно» присущего чехам, с «привнесенным извне» католицизмом. По свидетельству современника, книга встретила одобрение в церковных кругах и получила положительный отклик митрополита Московского Филарета¹⁰. Концепция Новикова получила распространение и в научном сообществе, хотя и подвергалась вполне обоснованной критике¹¹.

В начале своей дипломатической карьеры Новиков отдавал дань литературному творчеству. В 1855–1857 гг. он опубликовал в «Отечественных записках» несколько произведений. В повести «Горбун» он попытался создать образ простого крестьянина, отразить народную жизнь и народную речь. Критики невысоко оценили этот первый литературный опыт Новикова. Следующая повесть, «Поездка в деревню», – это история молодого помещика, далекого от реалий деревенской жизни, который решил провести в унаследованном имении преобразования в прогрессивном духе и потерпел вполне ожидаемое фиаско. Читатели и рецензенты оценили замысел Новикова, однако его исполнение вновь подверглось критике, главным образом за тяжелый вычурный язык и многословие. Последнее опубликованное произведение Евгения Петровича вышло в свет под малоговорящим публике названием «Портретная галерея». Однако удивляет прозорливость автора при выборе темы – «разорение дворянства и переход помещичьих имений в руки новых хозяев, безнравственных дельцов». Произведение было написано «в жанре любовно-авантюрного романа с маловероятным сюжетом»¹².

В 1850 г. Новиков поступает на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел и получает должность младшего помощника столоначальника с чином титулярного советника. Уже в конце того же года он становится старшим помощником, а в 1853 г. – младшим столоначальником департамента¹³. Одним из важнейших направлений

⁸ Следует отметить, что поводом к этому запрету стали не симпатии Бодянского к славянским национальным движениям, а попытка опубликовать в сборнике «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских», редактором которого он являлся, сочинение английского дипломата второй половины XVI в. Джэйлса Флетчера. Это произведение цензура сочла оскорбительным для русского самодержавия.

⁹ *Галамичев А.Н.* Евгений Петрович Новиков – русский историк и дипломат XIX века // Историческая память и общество: эпохи, культуры, люди. Материалы научной конференции, посвященной 90-летию исторического образования в Саратовском университете / под ред. А.Н. Галамичева. Саратов, 2008. С. 196.

¹⁰ *Карцов Ю.С.* За кулисами дипломатии. СПб., 1908. С. 6.

¹¹ Профессор Л.П. Лаптева отмечала: «Е.П. Новиков ввел в оборот колоссальное количество неизвестных ранее в России сведений и оказал серьезное влияние на последующее освещение гуситского движения в целом и отношения Гуса с немецкой реформацией в частности. Сочинениями Е.П. Новикова пользовались даже противники его концепции, а сторонники верили ему вообще безоговорочно». См.: *Лаптева Л.П.* Ян Гус и немецкая реформация в освещении русской литературы XIX – начала XX века // Исследования по славяно-германским отношениям / отв. ред. В.Д. Королук. М., 1971. С. 285. О произведении Е.П. Новикова см. подробнее: *Славяноведение* в... С. 145–146.

¹² Русские писатели... С. 337.

¹³ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 180. Департамент личного состава и хозяйственных дел. Оп. 464. Д. 2427. Л. 2.

деятельности этого отделения МИД являлись дипломатические контакты с Османской империей, основное население балканских провинций которой составляли славянские народы. В рассматриваемый период в отношениях Петербурга и Стамбула назревал конфликт, переросший в 1853 г. в Крымскую войну. Неудивительно, что молодой чиновник приобрел богатый опыт работы на «бурлящей дипломатической кухне». В 1855 г. Новиков был произведен в надворные советники и после окончания войны, в июле 1856 г., получил назначение младшим секретарем миссии в Константинополе¹⁴.

Следует отметить, что 1856 г. стал поворотным в судьбе не только Новикова, но и всей российской (как внешней, так и внутренней) политики. В Париже по итогам Крымской войны был подписан крайне неблагоприятный для Петербурга мирный договор. Важнейшей внешнеполитической задачей Российской империи в данный период становится отмена условий этого договора, касавшихся нейтрализации Черного моря. А.М. Горчаков стремился добиться пересмотра Парижского мира без новых войн и финансовых затрат. Задачи восстановления позиций России на международной арене и «обновления» отношений с прежними противниками были также обусловлены необходимостью обеспечить стабильную основу для проведения внутренних преобразований. Крылатой стала фраза Горчакова из циркулярной депеши, разосланной во все российские дипломатические представительства: «Россия не сердится, Россия сосредотачивается»¹⁵.

В столице Османской империи Новикову предстояло пройти школу практической дипломатии. После окончания Крымской войны и возобновления отношений с Портой в Константинополь была направлена новая миссия. Посланником был назначен опытный дипломат, знаток Востока Аполлинарий Петрович Бутенев (1787–1866), уже бывший на этом посту в период с 1829 по 1843 г. Именно он внес значительный вклад в подготовку заключения выгодного для обеих сторон, в особенности для России, Ункяр-Искелесийского договора 1833 г.¹⁶ В 1856 г. на А.П. Бутенева была возложена миссия восстановления отношений Российской и Османской империй. Он также должен был содействовать развитию торговли в Средиземноморье. Другой задачей дипломата являлось оказание поддержки христианскому населению и православной церкви, но исключительно дипломатическими средствами¹⁷. В подчинение Бутенева и поступил Новиков. Естественно, молодой дипломат выполнял свои обязанности в русле тех задач, которые должна была решать посольская миссия. В 1858 г. он был повышен в чине до старшего секретаря.

В том же году Евгений Петрович женился на Марии Николаевне Титовой (1842–1901), племяннице Владимира Павловича Титова, который возглавлял российскую дипломатическую миссию в Константинополе с 1843 по 1853 г. Здесь у супругов родились сын Сергей и дочь Вера (позже родились еще сын и дочь). В 1860 г., когда Мария Николаевна вместе с супругом, назначенным членом международной комиссии (о ее деятельности будет рассказано ниже), прибывает в Бейрут, она удостоится следующих строк в записках русского писателя Николая Берга: «Боги ничего не могли лучше придумать, как послать русскому обществу Бейрута такую комиссаршу, какую явилась Мария Николаевна Новикова, озарившая Ливан таким блеском, какого он не видывал решительно никогда... Я говорю это совсем не ради патриотизма. Едкие стихи французов по поводу ливанских событий, не пощадившие ровно никого, не нашли ни единого пятнышка на нашем ясном солнце»¹⁸. К сожалению, вскоре, уже по возвращении в Константинополь, с Марией Николаевной

¹⁴ Там же. Л. 3.

¹⁵ Канцлер А.М. Горчаков: 200 лет со дня рождения / редкол. Е.М. Примаков и др. М., 1998. С. 212–213.

¹⁶ См.: Кудрявцева Е.П. Российский посланник в Турции А.П. Бутенев // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 83–93. DOI: 10.31857/S013038640015140-2

¹⁷ В частности, для решения этой задачи Россия расширила сеть своих консульских представительств в Османской империи. См.: История внешней политики России. Вторая половина XIX века / отв. ред. В.М. Хевролина. М., 1997. С. 60–61.

¹⁸ Берг Н. Очерк последних сирийских событий // Библиотека для чтения. 1863. № 10. С. 10.

произошел несчастный случай (падение с лошади), драматически сказавшийся и на ее здоровье, и на характере, и на семейной жизни Новиковых¹⁹.

Что же касается назначения А.П. Бутенева, то он к этому моменту был уже весьма пожилым и не очень здоровым человеком. Он осуществлял общее руководство миссией, оставляя подчиненным решение текущих вопросов. Его правой рукой был молодой, но при этом достаточно опытный дипломат Алексей Борисович Лобанов-Ростовский (1824–1896; министр иностранных дел Российской империи в 1895–1896 гг.), который, как и все коллеги, служил при посольстве с 1856 г. (сначала советником, затем поверенным в делах). В конце 1858 г. А.П. Бутенев вынужден был уехать в Россию из-за ухудшения здоровья. Его пост занял А.Б. Лобанов-Ростовский²⁰. Е.П. Новикова же в 1859 г. повышают «за отличие», назначая советником миссии²¹. Лобанов-Ростовский успел немало сделать на новой должности. В 1862 г. уже в статусе чрезвычайного и полномочного посланника он участвовал в урегулировании конфликта между Османской империей и Черногорией²², а также подписал выгодный для России договор о торговле и мореплавании.

В 1860–1861 гг. Новикову довелось выполнять важную миссию. В качестве российского уполномоченного он вместе с французским, британским, прусским и австрийским представителями участвовал в работе европейской комиссии по урегулированию серьезного кризиса в Османской империи – конфликта между маронитами и друзами, разгоревшегося на территории провинции Сирия²³. Назначение состоялось 10 августа 1860 г. «по Высочайше утвержденному ... докладу Министра иностранных дел»²⁴.

Так называемый сирийский кризис мая-июня 1860 г. представлял собой серию кровавых столкновений между представителями разных конфессиональных групп, разразившихся в Горном Ливане и Дамаске. Эти события имели такой резонанс в Европе, что правительство Османской империи вынуждено было согласиться на вмешательство западных держав, в частности, на создание международной комиссии. Для России участие в работе комиссии стало знаковым событием: это был один из первых эпизодов, когда она, после поражения в Крымской войне, поставившего ее в условия относительной международной изоляции, смогла полноправно выступить в рядах «европейского концерта», хотя, разумеется, не в роли «первой скрипки». Следует отметить, что именно Франция, заинтересованная в «освоении» данного региона, добилась от других европейских государств согласия на отправку в Сирию своего экспедиционного корпуса, а затем и на создание комиссии пяти держав. Инициатива Парижа была поддержана российским правительством. В тот период между двумя странами как раз наметилось политическое сближение²⁵.

Комиссия начала свою работу в Бейруте 5 октября 1860 г. Ее основной задачей являлась выработка нового статута для Горного Ливана, т.е. административного устройства, которое обеспечило бы мир и спокойствие в регионе и предотвратило бы возникновение трагических столкновений в будущем²⁶. Ведущая роль в комиссии принадлежала представителям Великобритании и Франции. Следует отметить, что Лондон традиционно поддерживал

¹⁹ См.: Карцов Ю.С. Семь лет на Ближнем Востоке. 1879–1886. Воспоминания политические и личные. СПб., 1906. С. 30.

²⁰ См.: Кушнарев И.С. Жизнь и государственная деятельность А.Б. Лобанова-Ростовского (1844–1896 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008. С. 32.

²¹ АВПРИ. Ф. 180. Департамент личного состава и хозяйственных дел. Оп. 464. Д. 2427. Л. 8.

²² Хитрова Н.И. Триумф А.М. Горчакова. Отмена нейтрализации Черного моря // Российская дипломатия в портретах / под ред. А.В. Игнатьева. М., 1992. С. 208–220.

²³ Сагомонян А.А. Участие России в международной комиссии 1860–1861 гг. по Сирии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 12 (134). Ч. II. URL: <https://history.jes.su/s207987840029670-6-1/> (дата обращения: 12.01.2024). DOI: 10.18254/S207987840029670-6

²⁴ АВПРИ. Ф. 180. Департамент личного состава и хозяйственных дел. Оп. 464. Д. 2427. Л. 8.

²⁵ См.: Панченкова М.Т. Политика Франции на Ближнем Востоке и сирийская экспедиция 1860–1861 гг. М., 1966.

²⁶ Ozavci O. Dangerous Gifts. Imperialism, Security, and Civil Wars in the Levant, 1798–1864. Oxford, 2021. P. 324.

друзов, в то время как Париж играл роль покровителя маронитов. Россия же в лице своего представителя Е.П. Новикова стремилась защищать права местного православного населения. В то же время французский и российский члены комиссии приветствовали любые репрессивные действия османских властей против друзей, «гонимых христиан»²⁷.

Почти полгода понадобилось «комиссарам», чтобы преодолеть бесчисленные разногласия и выработать предварительный статут для Горного Ливана: ранее разделенный на две области (одна — во главе с друзом, другая — маронитом), он становился единым автономным округом под управлением османского чиновника, представлявшего одну из христианских общин региона²⁸. Российский «комиссар» Новиков в этих дебатах пытался играть роль «балансира»: он взвешивал выдвигаемые главными акторами аргументы и присоединялся к тому или иному их предложению, которое отвечало интересам России. Не менее острыми, хотя и не столь продолжительными, были последовавшие затем дискуссии по поводу кандидата на пост губернатора (мутасаррифа) Ливана. Фигурой, которая устроила всех, оказался Дауд-паша. Армянин по происхождению и католик по вероисповеданию, этот уроженец Константинополя, получивший французское и немецкое образование, уже имел опыт работы на серьезных должностях. Окончательно Органический статут для Ливана был утвержден 9 июня 1861 г. в Константинополе в присутствии всех «комиссаров» и послов пяти держав. Этот документ предусматривал создание при правителе совета из представителей конфессиональных общин (маронитов, православных, греко-католиков, друзов, суннитов и шиитов) и создание на территории Ливана шести соответствующих округов. После возвращения комиссии в Бейрут в августе 1861 г. Новиков сообщал, что в местных общинах началась борьба за место в совете. «Многие обращаются ко мне с требованием получить рекомендацию от Дауда-паши. Я всегда отказываюсь от вмешательства»²⁹. Видимо, у российского представителя установились достаточно доверительные отношения с новым правителем Ливана.

В целом итоги деятельности комиссии оказались достаточно успешными, обеспечив мирное развитие региона вплоть до периода Первой мировой войны.

Российский «комиссар» вернулся к месту своей службы в самом конце 1861 г. Ему был пожалован орден Св. Владимира третьей степени.

Вскоре Евгению Петровичу довелось пережить неожиданный карьерный взлет. Когда в марте 1863 г. Лобанов-Ростовский по причинам личного характера уходит в отставку и покидает турецкую столицу, Новиков фактически остается главой миссии в должности и.о. поверенного в делах — вплоть до прибытия из Петербурга графа Николая Павловича Игнатьева в августе 1864 г. Таким образом, Новиков оказался на достаточно высоком и престижном посту во многом по воле случая. Видимо, он и сам понимал, что занимает эту должность лишь временно, ожидая нового назначения. В связи с посольской «чехардой» российская дипломатическая миссия в Константинополе, одном из важнейших центров мировой политики, переживала в рассматриваемый период не лучшие времена. «Записка МИД, составленная в 1864 г., констатировала: влияние России в Турции ослабло, православная церковь теряет свои права и привилегии, руководители миссии не смогли наладить отношения ни с турецкой верхушкой, ни с христианскими общинами»³⁰. Следует, однако, учитывать, что эта записка была составлена уже при новом главе миссии.

На назначении в Константинополь именно Н.П. Игнатьева решительно настаивал А.М. Горчаков, высоко ценивший его способности. Протеже министра иностранных дел был человеком энергичным и инициативным, уже проявившим себя в двух сложнейших

²⁷ Копия рапорта Комиссара Российской империи в Сирии, 11 (23) сентября 1860 г. // АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 469. Ед. хр. 42. Л. 736.

²⁸ Панченкова М.Т. Указ. соч. С. 191–220.

²⁹ Копия депеши г. Новикова из Бейрута, 8/20 июля 1861 г. // АВПРИ. Ф. Консульство в Бейруте 1861–1864. Ед. хр. 112. Оп. 819. Л. 9.

³⁰ Хевролина В.М. Российское посольство в Константинополе и его руководитель Н.П. Игнатьев (1864–1876 гг.) // Новая и новейшая история. 2003. № 6. С. 36.

дипломатических миссиях – в Средней Азии и в Китае, а также на посту главы Азиатского департамента. Игнатъев должен был вдохнуть новую жизнь в деятельность российского посольства в Османской империи, и это ему, как известно, блестяще удалось. Кстати, на оставляемый им пост главы Азиатского департамента он рекомендовал три кандидатуры, одной из которых был Новиков³¹. Граф Игнатъев получил инструкции действовать на вверенном ему посту с осторожностью, отстаивая российские интересы и защищая права славянских народов, при этом избегая явного покровительства сербскому, болгарскому и румынскому национально-освободительным движениям³². Однако уже в первые месяцы его пребывания на новой должности стало очевидно, что российский дипломат имеет собственные, гораздо более решительные планы на этот счет. Не являлось секретом и то, что Игнатъев не доверял «европейскому концерту».

В том же 1864 г. Новиков был выведен из штата посольской миссии в Константинополе³³, где приобрел бесценный опыт профессиональной деятельности. Известный отечественный дипломат Андрей Николаевич Карцов так отзывался о нем: «Е.П. Новиков воспитывался в Московском университете... научные приемы работы сохранил он и на дипломатической службе. Каждый вопрос он обдумывал и разбирал принципиально, исторически, до мельчайших подробностей. Пунктуален он был до педантичности». В начале карьеры «он, как истый питомец Московской *alma mater*, заплатил дань увлечения славянами»³⁴. Однако со временем, наблюдая за развитием ситуации на Балканах и анализируя происходившие геополитические изменения в этом регионе, Новиков оставил прежние умозрительные концепции и перешел на позиции «реальной» политики, ориентированной на российские государственные интересы.

В 1865 г. Новикова, который к тому моменту имел уже достаточно высокий дипломатический ранг, направляют чрезвычайным посланником в Грецию. В рассматриваемый период политическая ситуация в этой стране, обретшей свою независимость от Османской империи лишь в 1830 г. при поддержке европейских держав, в том числе России, отличалась нестабильностью. В 1862 г. в Греции произошел государственный переворот, в ходе которого был свергнут правивший страной в течение 30 лет король Оттон I. В следующем году на греческий престол взошел 17-летний датский принц Георг. У прибывшего вскоре в Афины Новикова установились добрые отношения с молодым монархом, который прислушивался к мнению российского дипломата по различным политическим вопросам³⁵. Однако период «русофильства» Георга оказался недолгим. Укрепить межгосударственные отношения России и Греции был призван заключенный в 1867 г. брак «короля эллинов» с дочерью великого князя Константина Николаевича Ольгой. Юную греческую королеву отличали искренняя любовь к России, преданность православию и в то же время стремление жить интересами своей новой родины. Еще с юности значительное влияние на Ольгу Константиновну оказывал Александр Алексеевич Киреев – адъютант великого князя Константина Николаевича, видный славянофил, который долгие годы оставался другом и советником королевы. Интересно, что Е.П. Новикову А.А. Киреев приходился свойственником – старший брат дипломата Иван Петрович был женат на его родной сестре³⁶. Киреев

³¹ Там же. С. 39.

³² См.: *Хевролина В.М.* Сан-Стефано: венец и завершение дипломатической карьеры Н.П. Игнатъева // *Российская дипломатия в портретах.* С. 242.

³³ См. список сотрудников: *Хевролина В.М.* Российское посольство... С. 43. Можно предположить, что Новиков отправился в отпуск на родину.

³⁴ Воспоминания А.Н. Карцова были записаны его племянником, также дипломатом. См.: *Карцов Ю.С.* За кулисами дипломатии. С. 6–7.

³⁵ См.: *Медоваров М.В.* Генерал А.А. Киреев, королева Ольга и русско-греческие отношения во второй половине XIX – начале XX в. // *Теория и практика общественного развития.* 2013. № 1. С. 217.

³⁶ Проживая в Лондоне и имея знакомства в британских политических кругах, Ольга Алексеевна Киреева-Новикова пропагандировала славянофильские идеи и поддерживала российский внешнеполитический курс. Ее называли «неофициальным послом России».

и Новиков придерживались схожих взглядов на «балканский вопрос»³⁷. Когда у супругов Новиковых в Афинах родилась дочь, которую назвали Ольгой, ее крестной матерью стала греческая королева. В 1868 г. генерал А.А. Киреев посетил Афины, где встретился с монаршей четой и российским послом.

Вскоре после прибытия в Афины Новикова на Крите, который находился под властью Османской империи, вспыхнуло антитурецкое восстание, продолжавшееся с 1866 по 1869 г. «Мать-Греция», с которой мечтали воссоединиться критяне, оказывала повстанцам всестороннюю поддержку, снабжая их продовольствием и оружием, отправляя на остров добровольцев. Россия также выразила солидарность с восставшими, попытавшись организовать демарш европейских держав перед Портой, однако в силу раскола среди участников «европейского концерта» и их стремления избежать усиления российского влияния на Балканах эта попытка оказалась безуспешной. Российское правительство выделило средства на покупку хлеба для жителей острова, в Петербурге и других крупных городах страны начался сбор пожертвований в пользу критских повстанцев. Посланные к берегам острова военные корабли под командованием капитана 1-го ранга Ивана Ивановича Бутакова вывозили беженцев и раненых, даже не всегда имея на это официальные разрешения³⁸. Всего в афинский порт Пирей с мятежного Крита было переправлено 24 тыс. человек. Их успешная эвакуация во многом являлась заслугой Новикова, убеждавшего в необходимости этого шага Горчакова³⁹, придерживавшегося в данном вопросе более осторожной линии поведения.

С самого начала описываемых событий Новиков выражал солидарность с критскими повстанцами. Он регулярно получал сообщения о ситуации на острове от российского консула Спиридона Ивановича Дендрино и от И.И. Бутакова⁴⁰. Сохранились свидетельства о встрече Новикова с одним из предводителей восставших, греческим офицером Паносом Коронесом⁴¹. Жертвуя посольские средства в пользу беженцев, российский дипломат прекрасно понимал, что они будут израсходованы на закупку не только продовольствия, но и оружия. Именно через Новикова король Георг I передавал российскому правительству различные просьбы, касавшиеся помощи восставшим. Так, в августе 1866 г. греческий монарх попросил поддержать их требования в Стамбуле, и Новиков уверенно пообещал оказать в этом свое содействие⁴². Когда в следующем году А.М. Горчаков, убедившись в противодействии европейских держав попыткам Петербурга повлиять на Порту в данном вопросе, решил объявить о невмешательстве России в критскую проблему, посланник высказал несогласие с канцлером: «Я не могу скрывать от Вашего Превосходительства, что политика примирения, которой начала придерживаться Россия в отношении острова Крита, будет осуждена здесь как отступничество и уменьшит наш престиж в Греции»⁴³. Даже когда восстание явно близилось к своему завершению, осенью 1868 г. Новиков безуспешно убеждал руководителей МИД Российской империи в том, что необходимо продолжать помогать критянам, которые уже в скором времени могут быть поддержаны выступлением славянских народов Балканского полуострова⁴⁴. К этому времени Османская империя официально ввела на Крите Органический статут, согласно которому греческое население острова получало ограниченную автономию. Однако восставшие не были удовлетворены данными уступками.

К концу 1868 г. критские повстанцы понесли значительные потери в сражениях с регулярными османскими войсками. В то же время отношения между Афинами и Стамбулом были близки к разрыву. В январе 1869 г. конференция послов великих держав в Париже

³⁷ См.: Медоваров М.В. Указ. соч. С. 217.

³⁸ См.: Виноградов В.Н. Канцлер А.М. Горчаков: триумф в Лондоне и черные дни в Берлине // Новая и новейшая история. 2003. № 3. С. 127.

³⁹ См.: Сенкевич И.Г. Россия и критское восстание 1866–1869 гг. М., 1970. С. 165–167, 196.

⁴⁰ Там же. С. 48, 91–92, 94, 148, 152, 172.

⁴¹ Там же. С. 146.

⁴² Там же. С. 43–44.

⁴³ Цит. по: Там же. С. 141.

⁴⁴ Там же. С. 185–186.

рекомендовала Греции прекратить всяческую поддержку Крита и воздержаться от враждебных действий в отношении Порты. В 1869 г. А.А. Киреев, еще раз посетивший Грецию, с горечью констатировал: «Вопрос критский утоплен в греческой крови и дипломатических чернилах, а вместе с ним утопилось и наше влияние на Грецию. Вопрос этот обнаружил нерасположенность Франции и Англии к Греции, но вместе с тем обнаружил и наше бессилие»⁴⁵. Действительно, в рассматриваемый период Россия еще не была готова к активному политическому и военному противостоянию Османской империи на Балканах. И это понимали многие. Анонимный автор «Писем о Греции в 1865–67 годах», русский путешественник, возможно, дипломат, в заключительных строках своего произведения замечал: «Россия опять накличет на себя вторую и еще, может быть, страшнейшую первую Крымскую войну, если только она сделает хоть один еще шаг вооруженного вмешательства в дела Востока; ... любя своих единоверных, страждущих там братий, покуда можем только сострадать и сочувствовать им в ожидании иных, лучших времен!»⁴⁶ Спустя шесть лет и сам Новиков, уже будучи с 1870 г. дипломатическим представителем Российской империи в Австро-Венгрии, сетовал: «И что же мы получили в результате, кроме неблагодарности со стороны эллинов, которые еще и сегодня ... продолжают возлагать на нас ответственность за неосуществление своих национальных чаяний?»⁴⁷

В начале 1870-х годов произошли события, коренным образом изменившие баланс сил в Европе. Летом 1870 г. началась Франко-прусская война. Сокрушительная победа Пруссии предвещала появление на границах Российской империи мощной державы, отношения с которой фактически предстояло выстраивать с нуля. Российский МИД рассматривал эти перемены в европейской политике прежде всего как шанс осуществить «заветную мечту» – отказаться от нейтрализации Черного моря. Еще до завершения Франко-прусской войны, в октябре 1870 г., Горчаков направил свою знаменитую циркулярную депешу российским дипломатическим представителям при правительствах стран – участниц Парижского трактата. В этом документе Россия заявляла о своих правах на Черном море. Тем самым Петербург пытался решить проблему безопасности южных рубежей и восстановить свой престиж как великой державы.

В 1870 г. Новиков был направлен представлять Российскую империю в Австро-Венгрии, где и пребывал до 1879 г. сначала в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра, а с 1874 г. – чрезвычайного и полномочного посла. Дипломатическая служба в Вене (наряду с Парижем и Лондоном) в данный период считалась очень престижной. К тому же европейские события развивались так, что значение этой миссии во внешней политике Российской империи возрастало с каждым годом.

Начавшееся сближение России с Германией, а затем и с Австро-Венгрией привело к образованию в 1873 г. «Союза трех императоров». Еще в 1871 г., когда новый руководитель внешнеполитического ведомства двуединой монархии Дьюла Андраши выпустил циркулярную ноту, в которой заверял, что Австро-Венгрия не собирается искать случая для расширения собственных границ, Горчаков писал Новикову: «В теории политическая программа, развиваемая Андраши, нам симпатична, и мы не требовали лучшего»⁴⁸. Однако, как известно, именно в этот период Австро-Венгрия стала проявлять все больший интерес к утверждению своего влияния на Балканах, бросая вызов России. И Вена, и Петербург рассчитывали получить поддержку от Германии, а российская дипломатия

⁴⁵ Цит. по: Медоваров М.В. Указ. соч. С. 218.

⁴⁶ С.Н. Письма о Греции в 1865–67 годах. СПб., 1869. С. 212.

⁴⁷ Донесение российского посла в Вене Е.П. Новикова А.Г. Жомини... 22 августа (3 сентября) 1875 г. // Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. Документы / отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2008. С. 70.

⁴⁸ Цит. по: Сироткина Е.В. На пути к Союзу трех императоров: австрийско-российские отношения после окончания франко-прусской войны // Ученые записки Тамбовского отделения РoСМУ. 2014. № 2. С. 145–150.

надеялась также на коллективные действия «союзников» в защиту христианских народов Османской империи.

В начале 1870-х годов Новиков, как и Горчаков, являлся убежденным сторонником укрепления отношений с Австро-Венгрией. Оно представлялось ему необходимым «как залог полюбовного разрешения затруднений на Балканском полуострове, возникновения которых следовало ожидать каждую минуту»⁴⁹. В Вене у него сложились довольно близкие отношения с Д. Андраши, в котором он видел союзника в мирном разрешении балканской проблемы. Однако к 1875 г. Новиков осознал, что компромисс между двумя государствами на Балканах невозможен. В одном из своих донесений в МИД за этот год он, в частности, писал: «Я с самого начала не строил себе никаких иллюзий относительно конечных целей австро-венгерской политики»⁵⁰.

Одним из крупнейших событий в мировой политике в 1870-е годы стал Восточный кризис, завершившийся Русско-турецкой войной 1877–1878 гг. Новиков оказался напрямую причастен к дипломатическим перипетиям, сопровождавшим развитие кризиса, — если не сказать, что находился в их эпицентре. Начавшееся в 1875 г. антитурецкое восстание в Боснии и Герцеговине вызвало в России опасения, так как обострением ситуации на Балканах могла воспользоваться Австро-Венгрия, которая вынашивала планы аннексии этой территории. Со своей стороны, Новиков сообщал в Петербург об участии в восстании гарибальдийцев и о связях повстанцев с «Омладиной» — сербской «радикальной, социалистической и атеистической организацией». Он настаивал, что России не стоит безоговорочно и в одностороннем порядке (без поддержки со стороны западных держав) поддерживать восстание, поддавшись «очарованию, внушаемому одним лишь именем христиан Турции, дабы не оказаться однажды ... предметом злорадства и подозрений Европы»⁵¹. Подобные оценки являлись в значительной степени преувеличением. И показательно, что, ссылаясь, в частности, на сообщения Новикова, император Александр II призывал «союзников» совместно выступить в роли умиротворителей, чтобы избежать военного вмешательства в конфликт и в то же время добиться от Турции реального улучшения положения славян⁵².

По всей видимости, позиция Новикова была известна не только в правительственных кругах, но и среди его коллег-дипломатов. Он счел необходимым разъяснить ее, «смягчив» некоторые свои взгляды и риторичку, в письме Александру Семеновичу Ионину, российскому консулу в Рагузе (Дубровнике). Новиков, в частности, отмечал: «Я не отрицал, что залогом восстания лежали во внутренних условиях края, в тяжелой доле местных христиан, в невыносимых притеснениях мусульманских властей и помещиков. Но я утверждал ... что, несмотря на эти хронические причины восстания, оно бы не вспыхнуло без внешней подготовки австрийских деятелей славянской идеи и надежды на помощь Австрии и союзных с нею держав». По мнению Новикова, важную роль в организации восстания сыграли также «служители великосербской идеи»⁵³. По оценке современных историков, «Новиков приложил немало усилий, чтобы достигнуть согласия с Австро-Венгрией о выступлении трех держав — “не коллективном, но однородном”» с призывом к мирному разрешению возникшего в Боснии и Герцеговине кризиса⁵⁴.

В это же время в российских правящих кругах все громче заявляли о себе сторонники более активных действий на Балканах. Ярый приверженец и энергичный проводник такой линии, посол в Константинополе Н.П. Игнатъев предложил свой план урегулирования

⁴⁹ Карцов Ю.С. За кулисами дипломатии. С. 9.

⁵⁰ Донесение российского посла... С. 69.

⁵¹ Там же. С. 69–70. На этом довольно обширном документе имеются многочисленные одобрительные пометки А.М. Горчакова и Александра II.

⁵² См.: Письмо Александра II германскому императору Вильгельму I ... 30 августа (11 сентября) 1875 г. // Россия и восстание в Боснии и Герцеговине... С. 95. В этом письме Александр II несколько раз почти дословно цитирует донесение Е.П. Новикова.

⁵³ Письмо Е.П. Новикова А.С. Ионину... 10 (22) ноября 1875 г. Вена // Там же. С. 165.

⁵⁴ История внешней политики России... С. 177.

конфликта: вопреки протестам Германии и Австро-Венгрии, добиться от Порты предоставления Боснии и Герцеговине широкой автономии. Этот план встретил многочисленные возражения, в том числе со стороны Д. Андраши и Е.П. Новикова. Так, Андраши заявлял, что, получив даже некоторую степень политической самостоятельности, Босния и Герцеговина, конфессиональные общины которых имели немало взаимных претензий друг к другу, очень быстро скатились бы к анархии⁵⁵. На данном этапе возобладала умеренная точка зрения. Однако это была лишь дипломатическая победа. Восстание в Боснии продолжалось, в России же развернули бурную деятельность комитеты помощи славянским народам Османской империи. Вскоре на Балканы стали прибывать русские добровольцы. Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии было жестоко подавлено Портой. При этом европейские правительства хранили молчание.

В своих донесениях в МИД посол Н.П. Игнатъев, консул в Белграде А.Н. Карцов и другие дипломаты предупреждали о нарастании военных настроений и приготовлений в Сербии и Черногории. В июне 1876 г. оба княжества объявляют Турции войну. События на Балканах вызвали широкий резонанс в российском обществе. Правительство рассматривало варианты военного вмешательства в конфликт. Однако в конечном итоге было принято решение добиваться мирного разрешения возникшего кризиса. Для достижения этой цели было необходимо заручиться поддержкой «союзника» и одновременно главного соперника Российской империи в регионе – Австро-Венгрии. В конце июня 1876 г. в Рейхштадте состоялись переговоры, в которых с российской стороны участвовали император Александр II, А.М. Горчаков и Е.П. Новиков, а с австро-венгерской – император Франц Иосиф и министр иностранных дел Д. Андраши. По итогам этих переговоров были достигнуты секретные устные соглашения. Следует отметить, что в появившихся затем письменных вариантах этих соглашений обнаружилось некоторое расхождение⁵⁶. Стороны договорились, что не будут содействовать образованию на Балканах большого славянского государства. На этом настаивала Вена. Впоследствии Андраши, используя данную формулировку, выступил против создания «большой Болгарии». Были также достигнуты соглашения о возможном послевоенном разделе балканских владений Порты (в случае победы Сербии и Черногории или даже краха Османской империи). В частности, провинции Босния и Герцеговина должны были войти в состав Австро-Венгрии, а не Сербии. Россия возвращала себе Южную Бессарабию, утраченную в 1856 г.⁵⁷ Таким образом, разногласия двух держав относительно принадлежности спорных территорий были устранены.

Очевидно, что А.М. Горчаков в этот период всецело доверял Е.П. Новикову как последовательному стороннику политики «европейского единства». При этом важно отметить, что в российских правящих кругах единства по балканскому вопросу не было. Новиков был чрезвычайно доволен результатами рейхштадтской встречи. Он, в частности, отмечал: «Я имел счастье присутствовать при этом исторически достопамятном свидании и удостоверить в полном и искреннем согласии нашего... государя с императором австрийским»⁵⁸. Встреча, безусловно, имела позитивный итог. Однако дальнейшее развитие Восточного кризиса заставляет усомниться в упомянутом «искреннем согласии» двух монархов. Интересно, что в беседе с русским послом, состоявшейся сразу после рейхштадтской встречи, граф Андраши также заявил, что он «счастлив» по поводу принятого решения. Новиков, сообщая об этом Горчакову, писал, что его коллега уточнил позицию Австро-Венгрии по балканскому вопросу: «Всякая аннексия на Востоке... рассматривается австро-венгерским

⁵⁵ См.: *Сироткина Е.В.* Дюла Андраши, Восточный вопрос и развитие австрийско-российских отношений в 70-е годы XIX века // *Славяноведение*. 2018. № 5. С. 9.

⁵⁶ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / под ред. Е.А. Адамова, сост. И.В. Козьменко. М., 1952. С. 144–148.

⁵⁷ См. подробнее: *Золотухин М.Ю.* Русско-австрийские переговоры по политическим и территориальным изменениям на Балканском полуострове на начальном этапе восточного кризиса 1870-х годов // *Преподаватель XXI век*. 2016. № 1. С. 253–261.

⁵⁸ Цит. по: *Карцов Ю.С.* За кулисами дипломатии. С. 35.

правительством, скорее, как обуза, чем как приобретение; но в Вене и в Пеште еще в меньшей степени могут вытерпеть тот факт, что Сербия будет расширяться путем завоеваний, так как она станет центром притяжения для славян Австрийской монархии на ее адриатическом побережье. В подобном случае австрийцы будут вынуждены этому противостоять — с Россией или без нее»⁵⁹.

Пытаясь оказать давление на Османскую империю, европейские державы договорились о созыве международной конференции в Константинополе, которая открылась в конце ноября 1876 г. Потребовалось немало времени, чтобы согласовать позиции ее участников. Но в этот момент султан Абдул-Хамид II объявил о даровании поданным конституции, которая должна была уравнивать в правах христиан и мусульман. По его мнению, это делало излишним все предложения европейских держав, которые были им отвергнуты. Однако обещания султана остались лишь на бумаге. Жестокие расправы над восставшими в Боснии и Герцеговине продолжались. Война между Россией и Османской империей становилась неизбежной.

В этот период одной из важных задач российской дипломатии становится закрепление договоренности с Австро-Венгрией, гарантирующей нейтралитет последней. Еще до окончания Константинопольской конференции, в январе 1877 г., состоялась встреча представителей двух стран в Будапеште, где после долгих переговоров была подписана тайная конвенция. От Австро-Венгрии свою подпись под ней поставил граф Андраши, а от Российской империи — посол Новиков. Вена обязывалась соблюдать по отношению к Петербургу позицию «доброжелательного нейтралитета» и, «насколько это будет от нее зависеть, парализовать попытки вмешательства или дипломатического посредничества других держав»⁶⁰. Впоследствии также было закреплено соглашение двух стран об отказе от создания большого славянского государства на Балканах.

Заключение Будапештской конвенции ставило Россию в определенную зависимость от намерений своего «союзника». Но, как писал Ю.С. Карцов, «какими бы дефектами соглашение наше с Австро-Венгрией ни отличалось, назначение свое обеспечить тыл нашей армии оно выполнило безусловно»⁶¹.

В апреле 1877 г. Александр II объявляет Османской империи войну. После решающих побед российской армии под Плевной и на перевале Шипка Порта 30 ноября 1877 г. обратилась к европейским державам с просьбой о посредничестве в заключении мира. Через Новикова австро-венгерское правительство передало эту просьбу в Петербург. Посредниками в урегулировании конфликта должны были стать Вена и Берлин: это предотвратило бы непосредственные контакты между воюющими странами. Однако и Германия, и Австро-Венгрия отказались от этой роли, сочтя момент для обращения неподходящим⁶².

В январе 1878 г. Россия и Османская империя подписали соглашение о перемирии в Адрианополе. Однако было очевидно, что решающие дипломатические баталии еще впереди. Так, Андраши заявил Новикову, что ни один министр австро-венгерского правительства не даст согласия на расширение Болгарии к югу от Балканского хребта, а сам он будет сопротивляться подобному решению «любыми средствами». «Даже путем войны?» — спросил Новиков. Андраши повторил: «Любыми»⁶³. Он настаивал, что при выработке условий мира необходимо следовать рейхштадтским и будапештским соглашениям. Однако с момента их заключения военно-политическая обстановка на Балканах принципиально изменилась. В конце января — начале февраля 1878 г. Австро-Венгрия провела

⁵⁹ Донесение Е.П. Новикова А.М. Горчакову... 2 (14) июля 1876 г. // Россия и восстание в Боснии и Герцеговине... С. 299, 300.

⁶⁰ Сборник договоров России... С. 149–155; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX века / отв. ред. Н.С. Киняпина. М., 1978. С. 211.

⁶¹ Карцов Ю.С. За кулисами дипломатии. С. 4.

⁶² Восточный вопрос во внешней политике России. С. 220.

⁶³ Цит. по: Виноградов В.Н. Австрия и Россия после 1849 года. О попытках габсбургского орла возвить когти в земли Балкан // Новая и новейшая история. 2013. № 5. С. 53.

мобилизацию войск в Карпатах, объясняя этот шаг стремлением «удержать в определенных границах русские притязания»⁶⁴.

Во время мирных переговоров в Сан-Стефано Горчаков советовал российскому уполномоченному графу Игнатьеву действовать «весьма осмотрительно», не забывая об интересах не только славянских народов, но и Австро-Венгрии. Однако последний намеревался поставить Европу перед свершившимся фактом и заключить договор с Турцией без участия западных держав. Игнатьев даже предлагал захватить Константинополь⁶⁵. Самые радикальные предложения дипломата были отклонены, но все же Александр II подписал Сан-Стефанский договор в марте 1878 г. Европа взорвалась негодованием, и лишь германский канцлер Отто фон Бисмарк занял позицию стороннего наблюдателя, де-факто поддерживая Австро-Венгрию.

Накануне Берлинского конгресса европейских держав, проходившего с июня по сентябрь 1878 г., российское правительство решило провести предварительные сепаратные переговоры с Австро-Венгрией с целью сгладить противоречия между странами и сблизить их позиции. В Вену на помощь Новикову был направлен Игнатьев с письмом от Александра II. Однако ни по одному вопросу согласия добиться не удалось⁶⁶. И причиной послужили не дипломатические просчеты, а жесткая, непоколебимая позиция австро-венгерской стороны, отстаивавшей свои экономические и политические интересы на Балканах, а также обнадеживающие сигналы из Берлина.

На самом Берлинском конгрессе сложился англо-австрийский блок, который при поддержке Бисмарка пункт за пунктом «урезал» российский план переустройства Балкан. Конгресс, однако, при всей противоречивости своих решений, не смог «отменить» значения Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. для судеб славянских народов. Этими решениями не была полностью удовлетворена ни одна из сторон. Итоги Берлинского конгресса были крайне негативно восприняты в российском обществе. Александр II также был разочарован, но все же пришел к реалистичному выводу: отечественной дипломатии удалось извлечь из военной победы все, на что можно было надеяться в тех условиях. Солидарен с императором и современный исследователь: «Берлинский трактат, восстановивший внутрибалканский баланс, в конечном счете полнее отвечал долгосрочным интересам России, чем блистательный Сан-Стефанский мир»⁶⁷.

Восточный кризис завершился. Одним из его итогов стало охлаждение отношений между Венной и Петербургом. Новиков еще некоторое время оставался на своем посту, причем поддерживал переписку с Горчаковым, откровенно обсуждая с ним европейскую «повестку дня». Так, в январе 1879 г. российский посол сообщал, что в деятельности международных комиссий, созданных по итогам Берлинского конгресса, Россия фактически оказалась в одиночестве. Новиков, в частности, отмечал: «Я не могу в них обнаружить и следа союза трех империй, в то время как я замечаю почти всюду, что представители Германии и Австро-Венгрии выступают как один человек»⁶⁸. Канцлер ответил большой аналитической запиской: «Центр Европы стремится изолировать две ее окраины, разъединяя Францию и Россию. ... Срединная Европа, втавив нас в войну с целью ослабить нас и сплотившись потом для того, чтобы отнять у нас ее результаты, еще теснее соединяется для утверждения своего преобладания. ... Нечего и говорить, что соглашение “трех императоров” расторгнуто фактическим поведением наших двух союзников в отношении к нам. В настоящее время наша главная задача – закончить ликвидацию прошлого и впредь искать опоры лишь в самих себе»⁶⁹. К таким выводам пришел канцлер Российской империи, глубоко разочарованный в «союзниках» после Берлинского конгресса. К этому времени он уже практически отошел

⁶⁴ Восточный вопрос во внешней политике России. С. 222.

⁶⁵ См.: Там же. С. 223.

⁶⁶ См.: Там же. С. 226–227.

⁶⁷ Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918. М., 2004. С. 350.

⁶⁸ Цит. по: Сказкин С.Д. Конец австро-русско-германского союза. М., 1974. С. 90.

⁶⁹ Там же. С. 90–91.

от дел и даже не был поставлен в известность, когда в сентябре 1879 г. в Берлине начались тайные переговоры о возобновлении «Союза трех императоров».

В декабре 1879 г. трем наиболее важным дипломатическим представителям Российской империи в Европе — П.А. Шувалову в Лондон, А.Б. Лобанову-Ростовскому в Константинополь и Е.П. Новикову в Вену — из Министерства иностранных дел, которым фактически в тот момент руководил Николай Карлович Гирс, был направлен запрос о том, насколько отвечает российским интересам восстановление «Союза трех императоров». Послы были единодушны в том, что подобный союз необходим Петербургу — просто потому, что у него нет выбора⁷⁰.

Тогда же, в декабре 1879 г., Новиков получил чин действительного тайного советника и был назначен чрезвычайным и полномочным послом в Османской империи. В хорошо знакомом Константинополе ему вновь предстояло сменить А.Б. Лобанова-Ростовского, который прослужил там всего полтора года, а теперь отбывал в Лондон. На берега Босфора князь был направлен летом 1878 г. для важной миссии — подписания итогового мирного договора с Османской империей, что и осуществил вполне успешно, преодолев множество препятствий и затруднений⁷¹. В инструкции Лобанову-Ростовскому Горчаков писал: «Нам важно иметь в руках обязательство, непосредственно связывающее Турцию с Россией, независимо от ее обязательств по отношению к Европе, и которое бы нам позволило в случае необходимости потребовать права на то, что у нас оспаривалось до настоящего времени»⁷². Константинопольский договор был подписан 27 января (8 февраля) 1879 г. и начинался статьей, которая гласила: «Отныне между обеими империями будут мир и дружба»⁷³.

Положение нового российского посла в турецкой столице было двойственным. Новиков, безусловно, представлял страну-победительницу. В то же время военные достижения России были отчасти обесценены совместным политическим давлением на Петербург европейских держав, что являлось крайне обнадеживающим моментом для Османской империи. И если к князю Лобанову-Ростовскому султан Абдул-Хамид II испытывал определенную симпатию и даже просил о его назначении, то к новому послу явно не благоволил. Между тем Ю.С. Карцов, служивший тогда в генеральном консульстве в Константинополе, характеризовал Е.П. Новикова в своих воспоминаниях как человека «замечательного трудолюбия, долготелней опытности, обширной эрудиции. По глубине научного образования между нашими дипломатами ... Евгений Петрович не имел себе равного. ... Продолжительная служба в Константинополе, Бейруте, Афинах дала ему случай изучить характер стремления народов Востока, а затем в качестве посла в Вене он имел возможность встретиться и познакомиться с главнейшими руководителями европейской политики»⁷⁴. При этом вопросами экономическими и военными Новиков совсем не интересовался. Его политические взгляды были вполне определенными: «Для него враги России были не англичане и не немцы, а славянофилы и военные, которые толкают Россию в пропасть». И выражал он эти взгляды открыто, «без обиняков», в отличие от многих других дипломатов, которые «продолжали писать об исторических правах России, на которую христианские народы продолжают взирать с надеждой»⁷⁵.

Сотрудник российского посольства Н.К. Арбузов оставил об этом периоде службы Е.П. Новикова более обширные и весьма интересные воспоминания. Главное он подчеркнул в первых же строках своих заметок: «После нашего поражения на Берлинском конгрессе трудно было удерживать знамя России на желаемой высоте, но Евгений Петрович, хорошо зная характер турок, сумел бороться с обстоятельствами и заставил их уважать себя и так горячо и беззаветно любимую им Россию. Он был последним из могикиан когда-то славных русских дипломатов того времени»⁷⁶.

⁷⁰ См.: Там же. С. 149–151.

⁷¹ См.: Кушнарев И.С. Указ. соч. С. 48–57.

⁷² Канцлер А.М. Горчаков... С. 372.

⁷³ Сборник договоров России... С. 207.

⁷⁴ Карцов Ю. Семь лет на Ближнем Востоке... С. 27.

⁷⁵ Там же. С. 30.

⁷⁶ Арбузов Н.К. Указ. соч. С. 802.

По воспоминаниям Арбузова, Новиков был внимателен и заботлив по отношению к своим подчиненным, выручал их в трудных ситуациях, но в том, что касалось дел службы, был предельно требователен. Так, однажды среди ночи, под проливным дождем он послал своего помощника во дворец к великому визирю, который твердо обещал дать ответ по важному вопросу еще вечером, но не исполнил обещания. Не принять посланца российского дипломата, даже в столь неурочный час, было невозможно. По его возвращении Евгений Петрович (который, конечно, тоже не спал всю ночь) заметил, что «этот сановник в следующий раз будет более пунктуален, ведь он не захочет, чтобы его опять поднимали из теплой постели».

Виртуозное мастерство дипломатической игры и в то же время твердость характера Новикова ярко проявились и в те дни, когда он получил отставку и готовился покинуть Константинополь. Согласно дипломатическому протоколу, должен был состояться прощальный обед отбывающего посла у султана. Абдул-Хамид II решил напоследок «унизить и возможно более оскорбить» Новикова. Два раза он откладывал обед, причем объявлялось об этом в самый последний момент, когда все чины посольства готовились к выходу. Когда в третий раз султан все же вознамерился исполнить договоренность, посланные за русским послом слуги застали его в домашнем халате. «Потрудитесь доложить султану, что, к величайшему моему сожалению, я никак не могу воспользоваться сегодня любезным приглашением Его Величества по случаю расстройства желудка», – заявил им Евгений Петрович. Как отмечает Арбузов, «султану ужасно хотелось лягнуть умирающего льва, и, увлекшись этой идеей, он совершенно забыл, с кем имеет дело».

Обед все же состоялся через несколько дней. Его участники рассыпались во взаимных любезностях. Султан подарил послу на память «золотую табакерку со своим шифром из крупных бриллиантов». На следующий день в посольство были приглашены репортеры всех газет, а наутро «публика узнала, что золотую табакерку, осыпанную бриллиантами, ... посол пожертвовал в пользу русского Николаевского госпиталя в Константинополе. Все это мог проделать только Евгений Петрович Новиков и никто другой», – так завершает Арбузов свои воспоминания⁷⁷.

Новиков отбыл из Константинополя в марте 1882 г., сразу после ухода со своего поста Горчакова. Как человек в высшей степени заслуженный, он был назначен членом Государственного совета. Однако сам дипломат назвал это «сдачей в архив за негодностью». По некоторым свидетельствам, на заседаниях Госсовета Евгений Петрович не появился ни разу. Зимой он обычно проводил за границей, а летом жил в своем имении Непецино. Там же он и был похоронен в 1903 г.

Таким образом, мы проследили жизненный путь достойного представителя классической школы российской дипломатии. Человек прекрасно образованный, проницательный, ответственный, Е.П. Новиков не раз представлял и отстаивал интересы России в периоды узловых коллизий, связанных с Восточным вопросом. В нем соединялись исполнительность, преданность своему «патрону» – А.М. Горчакову, доверие которого он всегда оправдывал, и самостоятельность, инициативность. Взгляды Евгения Петровича претерпели довольно быструю эволюцию – от увлечения панславистскими идеями до твердой убежденности в приоритете национальных интересов России. Подобные профессионалы высокого класса составляли костяк дипломатического корпуса Российской империи в XIX столетии.

Библиография

Арбузов Н.К. Из воспоминаний о Царьграде. Евгений Петрович Новиков – наш посол в Константинополе // Исторический вестник. 1914. Т. 138. № 12. С. 801–837.

Берг Н. Очерк последних сирийских событий // Библиотека для чтения. 1863. № 10. С. 1–26.

Бернштейн С.Б. Русское славяноведение о сербо-лужицких языках // Сербо-лужицкий лингвистический сборник / отв. ред. Л.Э. Калынь. М., 1963. С. 5–22.

⁷⁷ Там же. С. 835–837.

- Виноградов В.Н.* Австрия и Россия после 1849 года. О попытках габсбургского орла вонзить когти в земли Балкан // Новая и новейшая история. 2013. № 5. С. 48–59.
- Виноградов В.Н.* Канцлер А.М. Горчаков: триумф в Лондоне и черные дни в Берлине // Новая и новейшая история. 2003. № 3. С. 123–150.
- Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX века / отв. ред. Н.С. Киняпина. М., 1978.
- Галямичев А.Н.* Евгений Петрович Новиков – русский историк и дипломат XIX века // Историческая память и общество: эпохи, культуры, люди. Материалы научной конференции, посвященной 90-летию исторического образования в Саратовском университете / под ред. А.Н. Галямичева. Саратов, 2008. С. 195–200.
- Дегоев В.В.* Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918. М., 2004.
- Золотухин М.Ю.* Русско-австрийские переговоры по политическим и территориальным изменениям на Балканском полуострове на начальном этапе восточного кризиса 1870-х годов // Преподаватель XXI век. 2016. № 1. С. 253–261.
- Иванов Ю.Ф.* Гуситское движение в русской историографии // Вопросы истории. 1973. № 9. С. 52–63.
- История внешней политики России. Вторая половина XIX века / отв. ред. В.М. Хевролина. М., 1997.
- Канцлер А.М. Горчаков: 200 лет со дня рождения / редкол. Е.М. Примаков и др. М., 1998.
- Карцов Ю.С.* За кулисами дипломатии. СПб., 1908.
- Карцов Ю.С.* Семь лет на Ближнем Востоке. 1879–1886. Воспоминания политические и личные. СПб., 1906.
- Кудрявцева Е.П.* Российский посланник в Турции А.П. Бутенев // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 83–93. DOI: 10.31857/S013038640015140-2
- Кушнарев И.С.* Жизнь и государственная деятельность А.Б. Лобанова-Ростовского (1844–1896 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008.
- Лантвева Л.П.* Ян Гус и немецкая реформация в освещении русской литературы XIX – начала XX века // Исследования по славяно-германским отношениям / отв. ред. В.Д. Королюк. М., 1971. С. 282–300.
- Медоваров М.В.* Генерал А.А. Киреев, королева Ольга и русско-греческие отношения во второй половине XIX – начале XX в. // Теория и практика общественного развития. 2013. № 1. С. 217–220.
- Панченкова М.Т.* Политика Франции на Ближнем Востоке и сирийская экспедиция 1860–1861 гг. М., 1966.
- Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. Документы / отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2008.
- Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь: в 6 т-х. Т. 4. М–П. / гл. ред. П.А. Николаев. М., 1999.
- Сагомонян А.А.* Участие России в международной комиссии 1860–1861 гг. по Сирии // Электронный научно-образовательный журнал. История. 2023. Т. 14. Вып. 12 (134). Ч. II. URL: <https://history.jes.su/s207987840029670-6-1/> (дата обращения: 12.01.2024). DOI: 10.18254/S207987840029670-6
- Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / под ред. Е.А. Адамова, сост. И.В. Козьменко. М., 1952.
- Сенкевич И.Г.* Россия и критское восстание 1866–1869 гг. М., 1970.
- Сироткина Е.В.* Дьюла Андраши, Восточный вопрос и развитие австрийско-российских отношений в 70-е годы XIX века // Славяноведение. 2018. № 5. С. 3–16.
- Сироткина Е.В.* На пути к Союзу трех императоров: австрийско-российские отношения после окончания франко-прусской войны // Ученые записки Тамбовского отделения РoCMY. 2014. № 2. С. 145–150.
- Сказкин С.Д.* Конец австро-русско-германского союза. М., 1974.
- Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян / отв. ред. Д.А. Марков, В.А. Дьяков. М., 1988.
- С.Н.* Письма о Греции в 1865–67 годах. СПб., 1869.
- Хевролина В.М.* Российское посольство в Константинополе и его руководитель Н.П. Игнатьев (1864–1876 гг.) // Новая и новейшая история. 2003. № 6. С. 36–57.
- Хевролина В.М.* Сан-Стефано: венец и завершение дипломатической карьеры Н.П. Игнатьева // Российская дипломатия в портретах / под ред. А.В. Игнатьева. М., 1992. С. 238–256.
- Хитрова Н.И.* Триумф А.М. Горчакова. Отмена нейтрализации Черного моря // Российская дипломатия в портретах / под ред. А.В. Игнатьева. М., 1992. С. 208–220.
- Шестаков П.Д.* Московский университет в 40-х годах // Русская старина. 1887. Т. 55. № 7–9. С. 641–662.
- Ozavci O.* Dangerous Gifts. Imperialism, Security, and Civil Wars in the Levant, 1798–1864. Oxford, 2021.

References

- Arbuzov N.K.* Iz vospominanii o Tsar'grade. Evgenii Petrovich Novikov – nash posol v Konstantinopole [From the memories of Constantinople. Evgeny Petrovich Novikov – our ambassador in Constantinople] // Istoricheskii vestnik [Historical Bulletin]. 1914. T. 138. № 12. S. 801–837. (In Russ.)
- Berg N.* Ocherk poslednikh siriiskih sobytii [An essay on the latest Syrian events] // Biblioteka dlia chteniia [Library for Reading]. 1863. № 10. S. 1–26. (In Russ.)
- Bernshstein S.B.* Russkoe slavianovedenie o serbo-luzhitskikh iazykah [Russian slavian studies on the Serbo-Lusatian languages] // Serbo-luzhitskii lingvisticheskii sbornik [Serbo-Lusatian Linguistic Collection] / otv. red. L.E. Kalnyn'. Moskva, 1963. (In Russ.)
- Degoev V.V.* Vneshniaia politika Rossii i mezhdunarodnye sistemy: 1700–1918 [Russian Foreign Policy and International Systems: 1700–1918]. Moskva, 2004. (In Russ.)
- Galiamichev A.N.* Evgenii Petrovich Novikov – russkii istorik i diplomat XIX veka [Evgeny Petrovich Novikov – Russian historian and diplomat of the 19th century] // Istoricheskaiia pamiat' i obshchestvo: epokhi, kul'tury, liudi. Materialy nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 90-letiiu istoricheskogo obrazovaniia v Saratovskom universitete [Historical memory and society: epochs, cultures, people. Materials of the scientific conference dedicated to the 90th anniversary of historical education at Saratov University] / pod red. A.N. Galiamicheva. Saratov, 2008. S. 195–200. (In Russ.)
- Istorija vneshnej politiki Rossii. Vtoraja polovina XIX veka [The History of Russia's Foreign Policy. The Second Half of the 19th Century] / otv. red. V.M. Khevolina. Moskva, 1997. (In Russ.)
- Ivanov Iu.F.* Gusitskoe dvizhenie v russkoi istoriografii [The Hussite movement in Russian historiography] // Voprosy istorii [Questions of History]. 1973. № 9. S. 52–63. (In Russ.)
- Kanceler A.M. Gorchakov: 200 let so dnia rozhdeniia [Chancellor A.M. Gorchakov: 200 years since his birth] / redkol. E.M. Primakov i dr. Moskva, 1998. (In Russ.)
- Kartsov Iu.S.* Sem' let na Blizhnem Vostoke. 1879–1886. Vospominaniia politicheskie i lichnye [Seven Years in the Middle East. 1879–1886. Political and Personal Memories]. Sankt-Peterburg, 1906. (In Russ.)
- Karcov Iu.S.* Za kulisami diplomatii [Behind the scenes of diplomacy]. Sankt-Peterburg, 1908. (In Russ.)
- Khevolina V.M.* Rossiiskoe posol'stvo v Konstantinopole i ego rukovoditel' N.P. Ignat'ev (1864–1876 gg.) [The Russian Embassy in Constantinople and Its Chief N.P. Ignat'ev (1864–1876)] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2003. № 6. S. 36–57. (In Russ.)
- Khevolina V.M.* San-Stefano: venets i zavershenie diplomaticheskoi kar'ery N.P. Ignat'eva [San Stefano: the crown and the end of N.P. Ignatiev's diplomatic career] // Rossiiskaia diplomatiia v portretakh [Russian Diplomacy in Portraits]. Moskva, 1992. (In Russ.)
- Khitrova N.I.* Triumf A.M. Gorchakova. Otmena neutralizatsii Chernogo moria [The triumph of A.M. Gorchakov. Cancellation of the neutralization of the Black Sea] // Rossiiskaia diplomatiia v portretakh [Russian Diplomacy in Portraits]. Moskva, 1992. (In Russ.)
- Kudriavitseva E.P.* Rossiiskii poslan'nik v Turtsii A.P. Butenev [The Russian Ambassador in Turkey A.P. Butenev] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2021. № 5. S. 83–93. DOI: 10.31857/S013038640015140-2 (In Russ.)
- Kushnarev I.S.* Zhizn' i gosudarstvennaia deiatel'nost' A.B. Lobanova-Rostovskogo (1844–1896 gg.) [The life and state activity of A.B. Lobanov-Rostovsky (1844–1896)]: dis. ... kand. ist. nauk. Saratov, 2008. (In Russ.)
- Lapteva L.P.* Ian Gus i nemetskaia reformatsiia v osvoshchenii russkoi literatury XIX – nachala XX veka [Jan Hus and the German Reformation in the coverage of Russian literature of the 19th – early 20th century] // Issledovaniia po slaviano-germanskim otnosheniiam [Studies on Slavic-German Relations] / otv. red. V.D. Koroliuk. Moskva, 1971. (In Russ.)
- Medovarov M.V.* General A.A. Kireev, koroleva Ol'ga i rusско-grechskie otnosheniia vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [General A.A. Kireev, Queen Olga and Russian-Greek relations in the second half of the 19th – early 20th century] // Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia [Theory and Practice of Social Development]. 2013. № 1. S. 217–220 (In Russ.)
- Panchenkova M.T.* Politika Frantsii na Blizhnem Vostoke i siriiskaia ekspeditsiia 1860–1861 gg. [French Policy in the Middle East and the Syrian Expedition of 1860–1861]. Moskva, 1966. (In Russ.)
- Rossiia i vosstanie v Bosnii i Gertsegovine. 1875–1878. Dokumenty [Russia and the Uprising in Bosnia and Herzegovina. 1875–1878. Documents] / otv. red. K.V. Nikiforov. Moskva, 2008. (In Russ.)
- Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar' [Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary]: v 6 t-kh. T. 4. M–P. / gl. red. P.A. Nikolaev. Moskva, 1999. (In Russ.)
- S.N.* Pis'ma o Gretsii v 1865–67 godakh [Letters about Greece in 1865–67]. Sankt-Peterburg, 1869. (In Russ.)
- Sagomonian A.A.* Uchastie Rossii v mezhdunarodnoi komissii 1860–1861 gg. po Sirii [Participation of Russia in the 1860–1861 International Commission on Syria] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2023. T. 14. Vyp. 12 (134).

Ch 2. URL: <https://history.jes.su/s207987840029670-6-1/> (access date: 12.01.2024). DOI: 10.18254/S207987840029670-6 (In Russ.)

Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856–1917 [Collection of Treaties between Russia and Other States. 1856–1917] / pod red. E.A. Adamova, sost. I.V. Koz'menko. Moskva, 1952. (In Russ.)

Senkevich I.G. Rossiia i kritskoe vosstanie 1866–1869 gg. [Russia and the Cretan Revolt of 1866–1869]. Moskva, 1970. (In Russ.)

Shestakov P.D. Moskovskii universitet v 40-kh godakh [Moscow University in the 40s] // *Russkaia starina* [Russian Antiquity]. 1887. T. 55. № 7–9. S. 641–662. (In Russ.)

Sirotkina E.V. D'jula Andraši, Vostochnyi vopros i razvitie avstriisko-rossiiskih otnoshenii v 70-e gody XIX veka [The Eastern question and the development of Austrian-Russian relations in the 70s of the 19th century] // *Slavianovedenie* [Slavonic Studies]. 2018. № 5. S. 3–16. (In Russ.)

Sirotkina E.V. Na puti k Soizu trekh imperatorov: avstriisko-rossiiskie otnosheniia posle okonchaniia franko-prusskoi voiny [On the way to the Treaty of Three Emperors: the Austro-Russian relationship after the end of the Franco-Prussian War] // *Uchenye zapiski Tambovskogo otdeleniia RoSMU* [Scientific notes of the Tambov branch of RoSMU]. 2014. № 2. S. 145–150. (In Russ.)

Skazkin S.D. Konets avstro-russko-germanskogo soiuza [The End of the Austro-Russian-Germanic Union]. Moskva, 1974. (In Russ.)

Slavianovedenie v dorevoliutsionnoi Rossii. Izuchenie iuzhnykh i zapadnykh slavian [Slavionic Studies in Pre-Revolutionary Russia. The Study of the Southern and Western Slavs] / otv. red. D.A. Markov, V.A. D'iakov. Moskva, 1988. (In Russ.)

Vinogradov V.N. Avstriia i Rossiia posle 1849 goda. O popytkah gabsburgskogo orla vonzit' kogi v zemli Balkan [Austria and Russia after 1849. About attempts of the Habsburg eagle to stick claws into the lands of the Balkans] // *Novaya i Novejshaya Istoriya* [Modern and Contemporary History]. 2013. № 5. S. 48–59. (In Russ.)

Vinogradov V.N. Kancler A.M. Gorchakov: triumf v Londone i chernye dni v Berline [Chancellor A.M. Gorchakov: triumph in London and dark days in Berlin] // *Novaya i Novejshaya Istoriya* [Modern and Contemporary History]. 2003. № 3. S. 123–150. (In Russ.)

Vostochnyi vopros vo vneshnei politike Rossii. Konets XVIII – nachalo XX veka [The Eastern Question in Russian Foreign Policy. Late 18th – early 20th century] / otv. red. N.S. Kiniapina. Moskva, 1978.

Zolotukhin M.Iu. Russko-avstriiskie peregovory po politicheskim i territorial'nym izmeneniiam na Balkanskom poluostrove na nachal'nom etape vostochnogo krizisa 1870-kh godov [The Russian-Austrian negotiations on the political and territorial alterations on the Balkan Peninsula at the initial stage of the Eastern crisis of the 1870s] // *Prepodavatel' XXI vek* [Teacher, the 21st century]. 2016. № 1. S. 253–261. (In Russ.)

Ozavci O. Dangerous Gifts. Imperialism, Security, and Civil Wars in the Levant, 1798–1864. Oxford, 2021.